

Слова старца, приведенные здесь, представляют собой едва измененное повторение слов Христа. Напомним эти слова и тот контекст, который их окружает. «Некто... сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества. И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать, некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но бог сказал ему: безумный! в сию же ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в бога богатеет» (Евангелие от Луки, глава XII, 13—21).

Итак, слова Зосимы, согласившегося выслушать враждебные стороны, вводят евангельскую параллель, благодаря которой освещается новым светом и дележ наследства между отцом и сыном, и смысл трагедии, происшедшей с Федором Павловичем. Ведь оба враждующих героя думают прежде всего о земном: Митя — о получении материнских денег, на которые, как ему кажется, он имеет все права; Федор Павлович — о приумножении собственного «капитальца». По-видимому, обычным для этого героя шутовством вызвано обращение к старцу Зосиме, причем «наследство» поставлено в иную, но характерную связь: «Учитель! — повергся он (Федор Павлович, — В. В.) вдруг на колени, — что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?.. Старец поднял на него глаза и с улыбкой произнес: „Сами давно знаете, что надо делать, ума в вас довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невозддержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег“» (9, 58).

Забвение о наследстве «жизни вечной» и беспокойство о наследстве земном, наследстве суетном и преходящем (в свете евангельской притчи), определяет поведение Федора Павловича. «Я, милейший Алексей Федорович, — объясняет он младшему сыну, — как можно дольше на свете намерен прожить, было бы нам это известно, а потому мне каждая копейка нужна, и чем дольше буду жить, тем она будет нужнее... Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесят пять всего, но я хочу и еще лет двадцать на линии мужичины состоять... Так вот я теперь и подканливаю все побольше да побольше для одного себя-с, милый сын мой Алексей Федорович, было бы вам известно, потому что я в скверне моей до конца хочу прожить... А в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу, это было бы тебе известно, да порядочному человеку оно даже в рай-то твой и неприлично, если даже там и есть он. По-моему, заснул и не проснулся, и нет ничего, поминайте меня, коли хотите, а не хотите, так и черт вас дерит. Вот моя философия» (9, 217).

На следующий день после объяснения с Алешей, накануне роковой ночи, словно заботясь о ближайшем соответствии с приведенной выше евангельской притчей и выполняя свою программу, Федор Павлович усиленно продолжает хлопотать о приумножении богатства для своих низменных целей. Упрашивая Ивана захватить по делам в Чермашно, он между прочим говорит: «Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разницы. Эти я три тысячи ровно как нашел..., а деньги до зарезу нужны» (9, 349).

Но в эту же ночь Федора Павловича убивают. Тщета и «безумие» всех его усилий, направленных на достижение и упечение земного, ма-